

18+

МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА А ЕСЛИ Я ВЫПОЛНЮ

ОСНОВАНО
НА РЕАЛЬНЫХ
СОБЫТИЯХ

РЕНТА

СУД

ПСИХУШКА ДЛЯ ДВОИХ

ЕКАТЕРИНА ПЕТРОПАВЛОВА

Екатерина Петропавлова

Миссия невыполнима.

А если я выполню?

«Издательские решения»

Петропавлова Е.

Миссия невыполнима. А если я выполню? / Е. Петропавлова —
«Издательские решения»,

Иногда судьба ставит человека в такие условия, где победить кажется невозможно. Когда против тебя оказываются семья, система и обстоятельства, остаётся только одно — не сдаться. Эта история наших дней о жизни на грани: о предательстве близких, опасных конфликтах и судебных войнах. Путь героини приводит к духовному путешествию на священную гору Кайлаш. Рассказ о том, как невозможное становится возможным для того, кто не готов отступить, и о любви, которая приходит тогда, когда её совсем не ждёшь.

Содержание

Предисловие	6
ЧАСТЬ 1. КОГДА РОЖДАЕТСЯ СИЛА	7
Глава 1. Откуда всё началось	8
Глава 2. Детство, которое закаляет	11
Глава 3. Мир, который оказался больше	15
Глава 4. Без границ	18
Глава 5. Люди, которые меня сформировали	21
Часть II. Когда рушится мир	26
Глава 6. Любовь, которой я ещё верила	26
Глава 7. Ошибки, которые меняют судьбу	29
Глава 8. Человек, который ломает	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Миссия невыполнима А если я выполню?

Екатерина Петропавлова

© Екатерина Петропавлова, 2026

ISBN 978-5-0069-7947-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Разрешая себе

Эта книга родилась из внутренней необходимости, желании закрыть дверь в прошлое и поставить окончательную точку.

Иногда в жизни наступает момент, когда событий становится так много, они такие разные и такие сильные, что внутри возникает потребность остановиться и попытаться понять: почему всё произошло именно так и зачем всё это было дано.

Моя жизнь никогда не была спокойной. Она скорее напоминала путь по тонкому лезвию, где каждое решение могло изменить всё. Рядом шли любовь и предательство, сила и отчаяние, вера и полная неизвестность.

Мне приходилось бороться. Сначала за бабушку, потом за квартиру, потом за дом, за любимого деда, за детей, за имущество, за честь. Отстаивать своё право просто жить со своими детьми под крышей. Были моменты, когда, весь мир разворачивался против меня. Когда самые близкие люди оказываются по другую сторону. Когда кажется, что выхода нет. И иногда его действительно не было. Тогда его приходилось создавать самой — придумывать, искать, выстраивать шаг за шагом. Именно в такие моменты начинаешь узнавать себя настоящего.

Эта книга — не попытка оправдаться и доказать кому-то свою правоту.

Это честный рассказ о том, как судьба может ломать, испытывать, ставить в тупик — и в то же время давать силы идти дальше.

Здесь есть всё, из чего складывается настоящая жизнь: семья и род, любовь и разочарование, друзья и предательство, опасности, которые казались непреодолимыми, и люди, которые неожиданно становились опорой.

В какой-то момент моя дорога привела меня даже к горе Кайлаш — месту, которое считается одним из самых сильных и загадочных на Земле. Там многое стало яснее и изменило мою судьбу и детей. Некоторые ответы пришли неожиданно. А некоторые только начали открываться спустя время.

Я не знаю, как эта история будет воспринята читателем. Кто-то увидит в ней приключение. Кто-то — драму, почти детектив. Кто-то — путь духовных поисков. Для меня же это прежде всего моя дорога и мой путь такой какой он был со всеми её поворотами, испытаниями и подарками.

Если эта книга поможет кому-то поверить в себя, если она даст силы не сдаваться тогда, когда кажется, что всё и все против тебя, если она просто напомнит кому-то, что даже в самых тяжёлых обстоятельствах человек способен сохранить достоинство и внутренний свет — значит, она написана не зря.

Эта история о том, что даже самая невыполнимая миссия однажды может стать выполнимой. Нужно только продолжать идти вперёд.

Однажды я спросила своих старших детей, какой главный принцип они вынесли из нашей жизни. Они ответили просто: главное — выжить при любых обстоятельствах и уметь быстро находить лучшее решение, какой бы сложной не казалась ситуация.

ЧАСТЬ 1. КОГДА РОЖДАЕТСЯ СИЛА

Глава 1. Откуда всё началось

Любимый, близкий и родной человек навсегда

Светало. Рассвет весной так прекрасен. Птицы уже пели во всю, звонко и радостно, словно звали в новую жизнь. Всё вокруг расцветало, и в открытое окно вместе с прохладой тянуло весной. Да, это была она — весна. Её первый день. Солнечные лучи настойчиво пробивались в комнату, будили и заставляли радоваться. Она чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете, потому что была уже не одна. Под сердцем зародилась новая, маленькая жизнь. «Это будет обязательно девочка. Я назову её Катюша, моя Катька», — подумала она тихо, словно боясь, что кто-то услышит её сокровенную мысль. Она обняла свой живот и прошептала: «Я так тебя жду». Он, Никита, будущий отец, ничего не подозревал. Жизнь текла по заведённому сценарию. Каждое утро за ним приезжала чёрная «Волга» и увозила на бесконечные комсомольские слёты, собрания и важные встречи. Двадцать два года — и такая должность, второй секретарь комсомола. Это было головокружительно. Они только поженились: он — молодой и перспективный работник, она — студентка третьего курса Менделеевского института. Молодые, красивые, полные амбиций и жажды жизни. Конечно, по меркам того времени брак был неравным, и это имело значение. Жёну полагалось «представлять», и многие старались устроить судьбу по выгоднее. Она была всего лишь дочкой директора дома отдыха «Тетьково». А он — завидный жених, сын человека, работавшего секретарём у самого Микояна. Его отец, мой будущий дед, подыскивал сыну партию, которая стала бы союзом не только сердец, но и полезных связей. Но их любовь, зародившаяся в шестнадцать лет, оказалась сильнее любых расчётов. Никакие выгодные партии не могли повлиять на них. Они были созданы друг для друга, выбрав чистоту своих сердец. Свадьба была роскошной, в ресторане, соответственно статусу родителей. Съехались родственники и близкие семьи. Затем, как и положено, молодые отправились в путешествие, где и начали обсуждать планы на будущее. Никита, муж Людмилы (моей будущей мамы), был непреклонен: сначала учёба, а потом ребёнок. «Как ты с грудным младенцем будешь на пары ходить?» — убеждал он. Но у мамы были свои планы. Ей не терпелось встретиться со мной. Как она сама мне потом рассказывала, с хитрой улыбкой: «Я его немножко обманула, и появилась ты». И вот я уже была в мамином животе. Пока что я полностью зависела от внешних обстоятельств. Сама я те события помню плохо, только с её слов — женщины, которая уже тогда безумно меня любила и ждала нашей встречи. По маминому замыслу я должна была появиться именно в этом году, потому что она не могла больше ждать. Я ей нужна была сразу, немедленно. Кажется, я понимаю, в кого у меня эта черта характера. Мама носила меня легко. Она рассказывала, что всю беременность не ходила, а летала, и чувствовала себя волшебю. Лёгкий токсикоз в самом начале быстро прошёл, и больше ничего не омрачало её счастья. Папа, узнав новость, воспринял её спокойно и сразу принял факт моего скорого появления. Дед, отец моего папы, у которого мы тогда жили, слегка удивился: как же так, институт ведь не закончен? Но надо было просто увидеть эту цветущую женщину, чтобы понять: её счастью нет предела. Какой институт, когда есть Я? Бабушка с дедушкой со стороны мамы тоже были счастливы — красивая свадьба состоялась, и теперь логичное продолжение семейной истории, всё шло своим чередом. Правда, они твёрдо сказали: институт нужно закончить обязательно. Вопрос был решённый. Шло время. Мама доучивалась на курсе, изучая смешивание пахучих примесей. Тогда, в её лабораторных опытах, и зародилась моя будущая любовь к ароматам. Эта любовь к запахам, которую мама привила мне, ещё не родившейся, стала неотъемлемой частью моей жизни. Вдыхая через неё бесчисленные ароматы реагентов в Менделеевском институте, я поняла толк и смысл в них. Теперь, в своей проявленной жизни, я обожаю разные запахи и для меня это важно. Спасибо маме. Я не была

крупным ребёнком, и почти никто не замечал её положения. Каждый день она разговаривала со мной, рассказывала о жизни, знакомила с её лучшими сторонами и с нетерпением ждала моего появления. Настал час икс. Врачи решили, что мне лучше появиться на свет точно в срок, день в день. Маму положили за несколько дней в уютный роддом «за Внешторгом» на Смоленке. Тридцатого ноября решили стимулировать, так как я не подавала никаких признаков желания выходить наружу. Меня и так всё устраивало. Получив «волшебный пинок», всё случилось легко, хоть мама и запомнила, что это довольно больно. Но когда меня положили ей на руки, свёрток с глазами, она забыла всё. Гормоны счастья делали своё дело. Папа радостно увидел меня в окне и тут же отправился в гастроном на Смоленке за портвейном — «обмыть» моё появление. Меня полюбили сразу и сделали кумиром семьи. Отец моего отца, дед, хотел назвать меня Леной. Вопрос, казалось, был решён. Но мама в душе мечтала о Катюше. Ни о какой Лене не могло быть и речи. Маму отправили в загс получать свидетельство, и по возвращении дома все спросили хором: «Ну что, Лена?» Она спокойно и уверенно ответила: «Нет. Катюша. Моя Катька». Повисла пауза. Недоумение. Вопрос витал в воздухе. Дед первое время никак меня не называл и даже не подходил. Невестка ослушалась. С ней он не разговаривал полгода. А я тем временем подрастала и превращалась в чудесного карапуза. Когда я начала улыбаться всем, кто ко мне обращался, дед стал поглядывать на меня с интересом и постепенно приглядываться. Мама взяла академический отпуск на год, потом продолжила учёбу, а со мной сидела студентка-няня. Каким-то образом я подружилась с дедом, и он даже начал приносить мне вкусняшки. Я, Катька, была центром вселенной, и всё крутилось вокруг меня. Мама меня откровенно баловала. Дед со стороны мамы как-то сказал ей: «Ты её портишь. Ты что, всё ей будешь доставать? И звезду с неба, если попросит?» Мама покорно ответила: «И звезду с неба». Я росла в любви, обожании и полном отсутствии запретов. Слушалась я только одного человека — любимого дедушку Сашу. Первым делом он разгонял всех мамок и бабок, сажал меня к себе на колено и командовал: «Ну-ка, кому говорю, ешь! А то мать с бабкой носятся, накормить не могут. Какая противная! Ешь!» И я, маленькая, послушно открывала рот и уплетала всю кашу, пока дед ворчал на моих нянек, обвиняя их в том, что они делают из меня капризулю. Ещё он придумал для меня игру. Каждый день, когда мы гостили у него в дом отдыха «Тетьково», он, возвращаясь с работы, приносил мне «посылочку от зайчика». То пирожок, то заморский фрукт, то мешочек конфет. Заходил и говорил: «Катенька, тебе зайка передал посылочку». И я со всех ног бежала получать подарок. А когда чуть подросла, стала выбегать на улицу и гоняться за этим зайчиком, который, по словам деда, только что был за воротами. Это было так увлекательно!

Дедушка обожал внучку. К каждому моему приезду он придумывал что-то чудесное. То заведёт кроликов, и я ношусь с ними по горнице, а бабушка ругается на чёрные «горошки», которые они оставляют. То принесёт цыплят, и к концу лета это уже подросшие куры, за которыми я весело гоняю по двору. Однажды он спас в лесу лисёнка и принёс его мне. Я гордо гуляла с лисом на поводке по парку дома отдыха. А один раз это был маленький забавный кабанчик, который оказался девочкой Машкой. Машка выросла в огромную свинью, и мы наблюдали за ней в сарае с большим любопытством. Дедушка был очень добрым и справедливым человеком, руководил домом отдыха с подсобным хозяйством. Он учил меня жизни. Сколько часов мы провели вместе, гуляя по парку, слушая его рассказы! О том, как они с сестрой и двумя младшими братиками остались сиротами, но жили в голодное время лучше других в селе. О том, как он поднимался на ноги, как встретил бабушку и они начинали свой путь. О людях, которые встречались ему, и о том, как вести с ними беседу. О том, как сложно бывает, но нельзя опускать руки и отчаиваться. «Всё зависит от самого человека, от его настроения, — говорил он. — Испытаний будет много, но в этом и есть интерес жизни». Брал он меня и на охоту, учил стрелять, но главное — водить машину. Посадит за руль своего УАЗика в лесу, на бездорожье, и командует: «Вот газ, тормоз, сцепление. Сначала первая, потом вторая, а там и

третья. Ну, поехали!» Мне было страшно, но ещё страшнее было признаться ему в этом. Я жму на газ и... въезжаю в берёзу. «Куда ты летишь? — кричит дед. — Постепенно надо переключать и смотреть, куда едешь!» — «А куда там ехать? — оправдываюсь я. — Вон канава, вон лужа...» — «Так набери скорость, держи руль уверенно и дави на газ!» И знаете, я поехала. «Ну что я тебе говорил? — радовался дед. — Поедешь! Ты смелая, настойчивая, всё получится. Правда, иногда вредина, ну ничего, и это исправим». Хозяйство у деда было отличное. Особенно я любила телятник, где маленькие телята стояли и смотрели на тебя огромными глазами, пока ты кормила их с руки, чувствуя их шершавые языки. Была и конюшня. Лошади казались мне огромными, но дед легко влезал на любую и того же требовал от меня. А потом отпускал меня с конюхом погонять по полю, и они долго смеялись, глядя на мои ноги, которые после езды становились «колесом». Ездили мы и на рыбалку, на плотину. Природа там была волшебная. Что я могла понимать в свои детские годы? Но я любовалась всем. Дед учил меня смотреть сердцем и душой на красоту, слушать, о чём поют птицы, наблюдать, как они выют гнёзда и прячут птенцов. У меня было ощущение, что он знает абсолютно всё и у него есть история на любой случай. А главное — мне нравилось просто быть с ним, впитывать его уроки жизни: как думать и чувствовать, что такое совесть, честь, благородство, и как распознать подлость и предательство. «Просто трудись и делай своё дело, — учил он. — Завистники будут всегда, не трать на них нервы. Я столько их видел, сколько палок они в колёса вставляли... Перешагивай и иди дальше. Не объясняй ничего. Иди и делай. Они были и будут. Не жди помощи, делай сама. Друзей не существует. Он друг, пока ты ему нужен. Настоящих — единицы. Не верь словам, смотри на поступки». Его простые и мудрые слова вошли в моё сердце, в душу, в сознание. Они звучат в моей голове до сих пор, при каждом новом жизненном приключении. «Делай сама добро и никогда никому не твори зло. Добро всегда возвращается. И зло тоже. Живи с добрым сердцем: помогай слабому, защищай немощного, люби своих будущих детей, не выходи замуж за идиота, всегда защищай своих детей и никому не давай их в обиду». Он много говорил о матери: «Мать — это святой человек. Семья на матери держится. Она всё тянет. Есть мать — будет семья. Нет матери — все по миру пойдут. Дети и семья нужны только матери. Самое главное — это мать, только она держит весь дом». И правда, в те годы накормить меня мог только дед, и только его я слушалась, ходила за ним по пятам и смотрела на него с обожанием.

Глава 2. Детство, которое закаляет

Переезд

Школа выживания

Когда мне было пять лет, отца отправили в командировку в торгпредство Иордании инженером. Мама, конечно, ехала с ним, и я — тоже. Будучи маленьким человеком, я не могла оценить всю значимость происходящего, осознать масштаб события. Я просто знала: мы едем в очень жаркую страну, где растут пальмы, есть пустыня и совсем нет зимы. А я так любила зиму...

Сегодня я понимаю, как важна психологическая подготовка ребёнка к подобным переменам. Тогда же, будучи крошкой, я искренне переживала этот переезд на целых четыре года в неизвестность. Мне сказали: «На четыре года!» — в страну, которая так сильно отличалась от нашей, где не будет снега и морозов. Всё это казалось тревожным, и где-то глубоко внутри я очень волновалась. Помню, как сидела на подоконнике ночью, когда родители думали, что я сплю. Они упаковывали вещи в чемоданы, взволнованно переговаривались, а я смотрела на улицу и прощалась. С любимым двором, с деревьями, со светом фонаря, с моей Москвой. Завтра мы улетали в неизвестную Иорданию, в столицу Амман. Такси мчал нас в аэропорт. Родители были заняты друг другом, погружены в новую жизнь, лишь изредка они пытались меня отвлечь, что-то рассказывали, как-то снижали мою тревожность. Но сейчас, оглядываясь назад, я точно знаю: детям в момент кардинальной смены жизни нужно уделять гораздо больше внимания. Сам перелёт показался мне интересным. Нас вкусно кормили, а на взлёте и посадке родители выдавали леденцы. Так, на ближайшие четыре года я осваивала науку летать так, чтобы не закладывало уши. Иногда всё же закладывало, и тогда полдня ходишь глуховатая — это раздражало. По прилёту в Иорданию нас встретили русские люди. Позже я видела их часто — мы жили в одном большом доме. Первое, что меня поразило до глубины души — это жара. Она была повсюду, и от неё, казалось, не спрятаться. Второе — изобилие еды, напитков и конфет. Для советского ребёнка это был настоящий рай. Третье, что сильно впечатлило — сами арабы. Они были повсюду, как и жара, и поначалу казались мне все на одно лицо. Нас привезли в огромный дом, похожий на замок. Он назывался торгпредство — представительство СССР в Иордании. Так началась моя адаптация. Нам выделили квартиру на третьем этаже. И тут выяснилось, что от жары всё-таки можно спастись — с помощью кондиционеров. Они были и в квартире, и во всём здании. Квартира оказалась огромной по советским меркам — детскими глазами всё виделось в степени гипер. Два санузла! Поначалу это казалось странным, но потом я поняла, как это удобно. Потолки — бесконечно высокими. Мебель была другой, не такой, как дома. Когда я немного освоилась, мне разрешили исследовать территорию. Первую экскурсию провели родители, но уже очень скоро я лазила по винограднику, по забору и по круглым деревьям, изучая, какие фрукты на них растут. Это стало моим самым любимым занятием. Как Маугли, я свободно перемещалась по верхам. Когда мама выходила меня искать, она вглядывалась в кроны, а я была где-то там, наверху. Позже это умение очень пригодилось моему отцу в разных конспиративных историях. Вскоре каждый угол двора был под моим контролем. Моим развлечением были черепахи, важно расхаживающие по траве. Из детей был ещё Денис, сын завхоза, мой ровесник, упитанный мальчишка. Он не умел лазить по трубам и деревьям так, как я. В итоге мы поделили территорию: он стал королём земли, а я — богиней воздуха, хозяйкой деревьев. Конечно, я была не права. Меня никто не учил, что дразнить других — плохо и больно. Каюсь, я дразнила Дениску, обзывала его неуклюжим, смеялась, что он не может бегать и лазить так же ловко, как я. Тогда во мне зародилось ложное ощущение превосходства над мужчиной и глупая бравада, которые позже заведут мой

характер в тупик. Так мы и росли вдвоём с Денисом в этом замке. Дни были похожи один на другой: родители работали — мама помощником бухгалтера, папа ездил на переговоры. Иногда мы выбирались в город. Днём стояла страшная жара, от которой мы прятались внутри. К вечеру она спадала, и улицы оживали. Везде было шумно и весело: люди гуляли, сидели в кафе, ели вкусные арабские блюда, играла национальная музыка. Постепенно я привыкла, и у нас с родителями появились любимые яства. Например, «замазка» с их лепёшками, котлеты с совершенно особенным вкусом, шаурма (только без острых соусов, хотя мама заказывала с ними), несколько видов сладостей и солёных орешков. На этом, пожалуй, всё. Но каждый раз, когда приезжали туристы или торговые агенты из Москвы, дедушка передавал нам чёрный хлеб, колбаску, гречку — не может наш человек жить без родных привычек. Настоящим приключением для меня стали поездки на Мёртвое море, которые папа организовывал для своих гостей. Первое посещение этого чуда я запомнила на всю жизнь. Мы едем далеко за город. Сначала пустыри, потом, за пределами Аммана, — горы и пустыня. Все воодушевлены, никто из нас никогда не купался в этом море. Мы только знали, что оно держит на поверхности и утонуть в нём невозможно. Я плавать не умела, но родители успокоили: ничего страшного, отлично поплаваем, «море держит на поверхности». Мама тщательно осмотрела меня: нет ли царапин или ссадин? Потому что любая ранка на теле в этом море начнёт нещадно щипать. Это было моё первое знакомство с морем вообще! Берег усеян круглыми камнями-галькой, покрытыми белыми разводами, а местами — кристаллами. Это была соль. Она была везде. Мы расположились на камнях, переоделись, прикрываясь полотенцами. Первым в воду зашёл папа. Он прошёл несколько метров, лёг на спину, поднял руки и ноги — и поплыл, не погружаясь. Море уверенно держало его на поверхности. Мы, русские — от мала до велика — как дикие люди, удивлялись этому зрелищу. Мы вглядывались в воду, но не видели ни одной рыбёшки. В этой солёной воде не было жизни. Мама тоже зашла и стала веселиться, понимая, что не может нырнуть. А я, ребёнок, пропустившая все инструкции, полезла в воду и, конечно, сразу начала барахтаться. Вода попала в глаза. И тут начались настоящие мучения — глаза щипало невыносимо, я не могла их открыть. Мама бросилась ко мне, я в слезах выскочила на берег. К счастью, мы взяли с собой пресную воду, чтобы обмываться. Глаза спасли, но желания идти в море у меня больше не было. Я сидела на берегу и наблюдала за туристами. В тот день меня никто не мог уговорить зайти обратно. Сработало детское упрямство: получила отрицательный опыт — зачем получать второй?

После купания мы освоили лечебную грязь: намазались с ног до головы и превратились в аборигенов. А потом всей компанией отправились выше в горы, к горячим пресным источникам. Вот это мне понравилось! Лазать по горам — это по моему темпераменту и навыкам. В горах было несколько природных бассейнов с тёплой водой. Купаться в них и наслаждаться жизнью — даже ребёнком я это прочувствовала. Вид с гор открывался роскошный: внизу растянулось море, над которым висела лёгкая дымка, почти туман. По горам бродили небольшие отары овец и коз — отдельный местный колорит. А главными жителями здесь были бедуины. Очень гостеприимные: завидев белого человека, старались затащить в шатёр и напоить чаем. Мы с мамой обычно застывали от такого активного радушия и, честно говоря, брезговали их условиями, вежливо отказываясь от чая с конфетами непонятного вида. Папа же, как истинный дипломат, всегда поддерживал бедуинов, с удовольствием пил с ними чай и ел угощения, приводя их в полный восторг. Благодаря папиной активности поездки на Мёртвое море стали доброй традицией. Почти каждые выходные мы отправлялись в это путешествие. Я стала главным гидом для новых гостей: заботливо рассказывала, как вести себя с морем, чтобы сберечь глаза и получить удовольствие. Дальше всё шло по сценарию: лечебные грязи, горы, горячие источники, знакомые бедуины. Я отлично справлялась с ролью экскурсовода и сама получала удовольствие. Позже к нашей программе добавились верблюды. Поначалу мне было страшно забираться между горбами и взлетать ввысь. Но уже со второго раза я делала это так же ловко,

как и всё остальное. Взрослые предупреждали: «Катя, не беси верблюда — он плюнет!» Но сколько я ни прыгала перед ними, ни скакала, — ни один верблюд в меня не плюнул. Думаю, они чувствовали мою любовь. Я вообще обожала всех животных, кроме змей. С ними старалась не пересекаться. Постепенно новая жизнь мне понравилась, я адаптировалась ко всем её нюансам. Только одно обстоятельство напрягало, и я никак не могла на него повлиять. У меня были русые волосы, в детстве — почти светлые, и симпатичное личико. Это привлекало внимание арабов. Они позволяли себе знаки внимания везде, где меня видели. Что такое «знак внимания» по-арабски? Дёрнуть или ущипнуть за щёку объект восхищения. Я постоянно подвергалась этому. Идёшь с родителями по улице, и вдруг — хват! — прилетает тебе за щёку. Честно скажу, удовольствие ниже среднего. Во-первых, неожиданно. Во-вторых, больно. А в-третьих, это нарушение моих личных границ просто триггерит. Родители ничего не могли сделать, даже защитить меня. Приходилось самой просчитывать, откуда может произойти «нападение», и всем видом показывать, что мне такое отношение не нравится. Если это был продавец, он потом пытался угостить меня чем-то, загладить вину. Но у меня было типичное коммунистическое папино воспитание: брать нельзя! Я наотрез отказывалась, демонстрируя гордый нрав. Папе, кажется, нравилось внимание к его ребёнку. Мне — нет. Жизнь детей сотрудников была организована. Существовал детский сад в городе, куда родители утром отвозили детей или отправляли на специальном автобусе, который забирал ребят из торгпредства, посольства и с остановок в городе. Сначала я ходила в этот сад. Там было камерно, детей немного, разного возраста. Жизнь текла обычным порядком, с праздниками, как на родине. Мама регулярно шила мне костюмчики для утренников. Всё было спокойно и понятно для детской психики. Комфортно. По выходным все русские собирались в актовом зале. Вечером крутили советские фильмы: сначала мультики для детей, потом, когда мы шли гулять на территорию посольства, — фильмы для взрослых. Жизнь была структурирована и регламентирована. Все были заняты делом и счастливы настолько, насколько это было возможно. Я знала своего отца как свободолюбивого, порядочного и честного человека. Но слишком глубоко в нём сидели правила и моральный кодекс коммунистической партии. У взрослых постоянно что-то происходило: борьба добра со злом, одни группировки пытались выжить другие, фабриковали компромат. Моему детскому сознанию эти игры были непонятны, но я часто слышала про интриги и сложные ситуации, из которых родители помогали выпутываться своим друзьям. Меня предупреждали: «Может случиться так, что за 24 часа нам придётся собраться и уехать. Ты не переживай». Если ребёнку говорят «не переживай» и просят быть готовым собраться за сутки, он, конечно, будет переживать ещё больше. Но, наблюдая за отцом, я восхищалась им. Я старалась соответствовать его стойкости, решительности, невероятной смелости, разумной рискованности, умению вести переговоры, быстро принимать решения и действовать мгновенно. С детства мой жизненный ритм был быстрым, решительным и подвижным. Я старалась не отставать от моего супергероя-отца и во всём ему помогать. Особенно мне нравилось присутствовать тихо в углу и слушать взрослые разговоры. Если удавалось где-то спрятаться, про меня забывали, я превращалась в большие уши и впитывала рассказы о трудностях и сложностях, с которыми сталкиваются дипломаты, и о том, с каким героизмом и умом они выходят из ситуаций. Мне казалось, жизнь дипломата похожа на жизнь разведчика, как в фильмах про агента 007. Это супергерои, выполняющие важнейшие задания для своей страны. В их жизни много приключений, неожиданностей, авантюризма, экстрима. От исхода их миссий так много зависит, это колоссальная ответственность, которая добавляет адреналина. Ты не можешь провалить операцию. Это невозможно. Как говорил папа: «Сплошная романтика». Я решила, что жизнь разведчиков и дипломатов — самая интересная. Именно тогда во мне зародилось желание стать такой же. За несколько лет в Иордании, наблюдая за людьми, с которыми работал отец, отдыхая с ними, я сделала свои детские, но очень умные выводы, которые позже повлияли на мой характер. Нет профессии интереснее, чем дипломат и разведчик. Нет невыполнимых заданий

— есть только нежелание их выполнять. В моём сознании твёрдо закрепилось: провалить задание невозможно. Можно только победить — другого варианта не существует. Работа со здоровым адреналином намного интереснее скучной рутины с девяти до шести. Слов «не могу» и «невозможно» не существует — включай творчество. Миром часто управляет случай, и ты можешь стать тем, от кого этот случай зависит. Они — особая каста людей. Они даже дышат особым воздухом. В этой профессии ты становишься настоящим героем, сверхчеловеком с уникальными качествами, универсалом, способным на всё. Я была влюблена в этих сверхлюдей и в их мастерство быть на высоте. Их не видит никто, но они видят и знают всё. Папа постоянно был воодушевлён новыми связями, знакомствами, заданиями. И я, глядя на него, купалась в этой энергии. В дальнейшем, на протяжении всей моей жизни, воспоминания об этих людях и это детское восхищение всегда давали мне ресурс и силы для любых, самых сложных дел.

Глава 3. Мир, который оказался больше

Иордания: моя первая большая свобода

Меня часто удивляло и удивляет до сих пор, как люди мастерски плетут интриги, придумывают то, чего нет, и сами же верят в созданные мифы. Создают себе иллюзорного врага, а потом тратят безумное количество сил на борьбу с пустотой. Переезд в город спас мою семью от этого тягостного мира «добрососедских» наблюдателей. Мы зажили свободнее и спокойнее.

На вилле

Как-то раз мы отправились на шикарную виллу к друзьям. Там был огромный, невероятно красивый бассейн с прозрачной голубой водой. С одной стороны возвышался грот, по которому вода стекала прямо в чашу. На это можно было смотреть бесконечно. Родители с друзьями расположились у барбекю, а я, как обычно, оказалась предоставлена самой себе.

Я пошла к бассейну, села на бортик, свесив ноги. Он оказался очень круглым и, главное, скользким. Не успела я опомниться, как соскользнула в воду. Помню только свои длинные волосы, которые плавали надо мной, и как всё расплывается перед глазами. Моя недолгая жизнь действительно промелькнула передо мной. Я даже успела подумать: «Ну вот, а что дальше?»

А дальше меня вытащили за волосы. Я смогла вдохнуть — и это уже было счастье. Мама, увидев меня мокрую, удивлённо воскликнула: «Катя, а ты что тут делаешь?»

Это был момент моего первого осознания себя. Я вдруг поняла, что внутри меня есть целый мир, и что с самим собой можно разговаривать.

Обучение плаванию

Папа часто брал меня с собой, когда сопровождал гостей торгпредства. Я обожала эти поездки: впитывала, как он общается, принимает решения, действует. По дороге он всегда рассказывал мне какие-то истории, учил жизни, делился опытом.

И вот однажды мы отправились с важным заданием в пятизвёздочный отель. Главный среди гостей, увидев меня, сказал: «Эх, жалко, у тебя купальника нет. Мы бы взяли тебя с собой в бассейн». Я радостно улыбнулась и ответила: «А я как раз в купальнике!», папа заранее предположил эту ситуацию и предложил одеть мне купальник.

Папа со старшим уехали по делам, а меня оставили с остальными. Мы отправились к шикарному открытому бассейну. Игорь, друг того самого главного, спросил, умею ли я нырять «рыбкой». Выяснилось, что не умею. И ещё выяснилось, что я вообще не умею плавать. Но он, видимо, не расслышал про плавание и сосредоточился на нырянии.

Через пять минут я уже вовсю тренировалась прыгать «рыбкой». Прыгаю. Плыву под водой. Вынырываю. И тут — стоп. Дальше я не умею. Начинаю отчаянно грести по-собачьи, захлёбываюсь. Игорь смотрит сверху и удивлённо спрашивает: «Ты чего не плывёшь-то?» А я еле-еле выдыхаю в ответ: «Я не умею-у-у...»

— О, господи, так бы сразу и сказала! — засмеялся Игорь и в секунду вытащил меня.

Вечером ребята отрапортовали папе: «Научили мы вашу принцессу плавать! Правда, есть особенность: плыть она начинает только после того, как нырнёт».

Я ехала домой довольная, переполненная гордостью за своё новое умение. Папа похвалил меня за то, что я не растерялась в неловкой ситуации.

Я очень полюбила эту страну и прекрасных, гостеприимных арабов, которые постоянно пытались меня угостить. Но самой большой моей победой стало то, что я научилась защищать свои щёки и больше не позволяла себя щипать.

Путешествия и открытия

Папа старался возить нас с мамой по самым интересным местам.

Петра — древний город, высеченный в скалах, — место необыкновенной красоты. Сама дорога на верблюдах, величественные горы, таинственные гробницы. Позже я узнала, что там снимали одного из «Индианы Джонса», и моей гордости не было предела.

В Иордании было интересно всё: культура, традиции, даже утренние молитвы, которые разносились над городом несколько раз в день.

Ралли

В Иордании проходила подготовка и сами соревнования по ралли. Это было невероятное зрелище! Гонщики на огромной скорости неслись по горам и пустыне — захватывало дух.

Королевский бассейн

Отец для меня старался сделать всё возможное и невозможное. Он добыл мне абонемент в Королевский бассейн — роскошный комплекс с несколькими бассейнами. Был там прыжковый бассейн глубиной метров семь, и я научилась прыгать с пятиметровой вышки. Был огромный джакузи, детский бассейн и обычный, с дорожками для плавания.

Меня оставляли там в компании наших детей, а старшие подростки за мной приглядывали. Папа давал мне карманные деньги, и я чувствовала себя почти взрослой, самостоятельной. Он всегда давал достаточно, чтобы я ни в чём себе не отказывала, но сверху добавлял ещё сумму и строго наказывал: «Это неприкосновенный запас. На самый крайний случай». Благодаря такой заботе я всегда чувствовала себя любимой дочкой.

В Королевском бассейне мы проводили всё свободное время, и там я наконец-то научилась плавать по-настоящему хорошо.

Такое воспитание отца побуждало меня к ответственности и осознанности. Он всегда доверял мне и просил говорить только правду, что бы ни случилось. Это было святое правило. Позже, когда я повзрослела, я поняла, что разучилась врать совсем. И это стало меня мучить. Я стала остро чувствовать любую ложь — и это стало моим бременем.

Школа

Отдельная история — школа. Она была создана специально для нас, детей сотрудников. Обучение было практически индивидуальным. Всего в школе было человек тридцать пять, до пятого класса. Мой класс состоял из шести человек. В классе я была самая маленькая и, честно говоря, психологически ещё не созрела до учёбы.

Мама со мной намучилась. Помню, стоит надо мной с веником (в прямом смысле!) и пытается вбить в мою голову хоть что-то. У неё была мечта — чтобы я знала английский. Она героически учила его сама, а потом учила меня.

Самым интересным в школе для меня были большие перемены, когда мы играли в активные игры на улице, и наши выезды в лес. Лес в Иордании — это нечто особенное: сухой, каменистый, с выжженной травой и мхами. Зато там было полно черепашек и ящериц. Какие у нас были игры! Организация советского детского досуга была на высоте: «Зарница», «Казачьи разбойники», эстафеты, а в конце — чаепитие на природе. Восторг для детской души. Это самые тёплые воспоминания о том периоде.

Мечта о брате

В какой-то момент я остро осознала своё одиночество. Мне так захотелось близкого человека, что я стала мечтать о брате. Именно о брате. Я даже придумала, как его назовут — в честь папы.

Друзья родителей надоумили меня, как это работает: нужно каждое утро прибегать к родителям, садиться на них верхом и требовать: «Хочу брата!» Я была девочкой послушной и дисциплинированной. Я просила. И очень ждала. И заранее очень его любила. Без него мне было грустно, и все шесть лет, что мы прожили в Иордании, я каждый день требовала от родителей его появления.

Фундамент личности

Отец лепил из меня хорошего советского человека. Он вкладывал в моё сознание, казалось, на генном уровне, такие качества: порядочность, честность, умение держать слово, искренность, отзывчивость, любовь к Родине, верность. У меня сформировалось обострённое чувство справедливости. Я считаю, это прекрасные, необходимые черты. И мне никогда не было стыдно за себя, что бы обо мне ни говорили, потому что я знаю правду.

Мама вложила в меня всё своё сердце и душу. Но наравне с сильными сторонами во мне укоренились и черты, от которых потом страдал мой отец, и я продолжила его непройденные уроки: наивность и доверчивость. Они часто создавали неожиданные проблемы.

Это был фундамент моего характера, особенности, которые превратили меня в неиссякаемый локомотив. Правда и свет стали фетишем моей жизни.

Возвращение

Оглядываясь назад, я понимаю: эта командировка была подарком судьбы для моей души. Знакомство с иной жизнью, культурой, традициями — настоящая экзотика. В этой поездке с моего сознания слетели шоры советской действительности. И ещё один важный момент: мы столько времени проводили вместе, семьёй! Общение с папой и мамой — бриллиант для моей души. Путешествовали, узнавали новых людей, видели другую жизнь.

Настало время возвращаться на Родину. Четыре года пролетели как одна большая, самостоятельная маленькая жизнь. Мне было девять лет.

И вот я вернулась в нашу реальность. Здесь всё было иначе. Угрюмые, уставшие люди. Тяжёлый быт. Мрачные будни. Меньше солнца — и на небе, и в душах людей. Больше проблем. Постепенно появлялось ощущение, что тебя придавило тяжёлой плитой. Но я изо всех сил старалась сохранить своё радостное, солнечное настроение. Я ведь теперь знала: можно жить по-другому. Жизнь на самом деле другая, не такая, какую нам создают и с какой мы покорно соглашаемся.

Было только одно негативное последствие той командировки. Мне было девять, и, как сказала мама, «ходить по кружкам уже поздно». Она даже не пыталась меня никуда пристроить. А зря. Я так хотела общения, хотела тоже чем-то заниматься после школы. Все советские дети были при деле, и что-то обязательно посещали. А я оказалась не у дел. Родители на работе, я предоставлена самой себе. И мне было откровенно грустно. Скучно. Тоскливо.

Воспоминания об Иордании стали для меня тем внутренним светом, который я пронесла через всю последующую жизнь. Я точно знала: мир огромен, жизнь интересна, а трудности — это просто приключения, которые ждут, когда их преодолеешь. Это стало фундаментом, на котором впоследствии выстроилась вся моя судьба.

Глава 4. Без границ

Как рождается характер

Родина... Как много значит это слово для человека. Здесь и воздух другой, и атмосфера иная. Дух Руси — это нечто совершенно особенное, не передаваемое словами. Именно тогда, вернувшись, я по-настоящему поняла смысл пословицы: «В гостях хорошо, а дома лучше». Дома, правда, лучше. Всё родное, всё ближе сердцу. Пусть трудности, пусть «нельзя» и «достать», но люди вокруг — близкие по духу, понятные. И даже серость будней имеет свою, особую теплоту.

Новая школа

Началась учёба. После камерного класса из шести человек я попала в коллектив, где за партами сидело по тридцать учеников. Гимназия в центре Москвы, куда меня устроил папа, была престижной, но дорога занимала сорок минут в один конец. Адаптация шла нормально. Родители пропадали на работе, а я была предоставлена самой себе. Свободного времени оказалось много, и оно тяготило. Скука становилась моим постоянным спутником.

Единственное, что по-настоящему увлекало — спорт. Я хваталась за всё, что предлагала школа: бег, бассейн (он у нас был свой), большой теннис, даже футбол. Мальчишки поставили меня вратарём — и, надо сказать, получалось неплохо. Эстафеты, соревнования между школами, постоянное движение — вот что заставляло сердце биться чаще. Мой тренер, разглядев во мне задатки, загорелся идеей сделать из меня олимпийскую чемпионку. Был назначен день, когда пригласили моих родителей для принятия решения о переводе в спортивную школу.

Я ждала этого часа с замиранием сердца. Наивно верила, что сейчас моя жизнь наконец обретёт смысл, что я займусь настоящим, серьёзным делом. Но папа, выслушав тренера, отверг все предложения. Решительно и бесповоротно. Объяснил он это так: «Я хорошо знаком с олимпийскими чемпионами. Я знаю их судьбы, знаю их будущее. А я хочу, чтобы моя дочь состоялась как мать, как женщина. Никакие награды этого счастья не заменят».

Я была разбита. Крушение иллюзий — вот что я пережила тогда. И самое страшное — я снова не знала, чем мне заниматься. Куда приложить силы, куда направить неуёмную энергию? Пустота.

Отрада — «Тетьково»

Спасением стали каникулы у дедушки с бабушкой в «Тетьково». Лето и зима — каждое время года дарило свои приключения. Летом — велосипед, речка, тарзанка, любимые «Казакки-разбойники» и «Тимур и его команда». Мы носились по дом отдыха до темноты, и это было счастье.

С дедом мы ездили собирать ягоды и грибы, и по дороге он снова сажал меня за руль своего УАЗика. Учил, подсказывал, поругивал, но верил в меня. Вообще, время, проведённое с дедом — это самое драгоценное, что было в моём детстве. Он учил меня не просто водить машину или ориентироваться в лесу — он учил жить. Его рассказы о прожитом, о людях, о войне, о потерях и обретениях — я впитывала их как губка.

Судьба у него была нелёгкая, как у многих его поколения. Мама умерла рано, оставив его, четырёхлетнего малыша. Она стирала бельё в речке поздней весной, простудилась, заболела воспалением лёгких, а тогда медицина не спасала от таких болезней. Остались они вчетвером: старшая сестра и два младших брата. Деду тогда было четырнадцать. Отец, человек разгульный, вскоре попал в тюрьму за то, что спилил дерево в лесу. Но дети не пропали: держали корову-кормилицу, сажали огород, сами вели хозяйство и малышкой поднимали. А потом грянула война, и они оказались в оккупации. Немцы забрали корову — это было настоящей

трагедией. Ночами дед с братом тайком копали картошку на поле, которое охраняли фашисты. Прятались в подполе, пережили всё.

После войны дед уехал в Ленинград, стал военным. Там, на берегу реки, где стирали бельё, и встретил мою бабушку. Позарился, как сам смеялся, на красоту да на голос — пела она красиво. А её мать, бабушкина мама, слёзно просила: «Не бросай мою дочку, ты парень надёжный». Так и зародилась их семья.

Дедушка много говорил со мной об отношениях между мужчиной и женщиной. Какой должна быть девушка, как беречь свою честь смолоду, как важно сохранить здоровье, чтобы потом родить здоровых малышей. Рассказывал о людях, которых встречал на пути: о честных и подлых, о предателях и верных друзьях. О том, что деньги часто застилают разум, а власть и вовсе лишает сознания. «Запомни, доченька, — повторял он с любовью, — всё возвращается. И добро, и зло. Можешь сделать доброе дело — сделай, но не жди благодарности. Просто сделал — и иди дальше».

Ночная прогулка по полю

Однажды мы застряли зимой на охоте. Дед, я, папа и его приятель поехали на ночную охоту и увязли в поле. Дед долго ругался на отца, который сидел за рулём: «Водить не умеешь по полю!» А потом скомандовал: «Вы оставайтесь в машине, грейтесь. А мы с внучкой пойдём домой, я за вами приеду». И мне: «Пошли, внученька, дорога предстоит долгая». Я послушно пошла.

Идём по полю, а снега по пояс. Луна светит ярко-ярко, невероятно красиво. Звёзды переливаются, небо чистое, морозное, хрустальное. Снег под ногами хрустит — волшебно. Дед говорит: «Я первый, ты за мной, ступай нога в ногу». Прошли полчаса, и я говорю: «Дедуль, всё, не могу больше идти». Он удивился: «А что мы делать будем? Замерзать? Нет, внученька, надо идти. А я тебе пока историю расскажу...»

И всю дорогу, до самого дома, он рассказывал. Такие интересные истории, что я забыла про усталость и про холод. Шла и шла за ним, как замороженная. На дороге стало легче, а там и до дома добрались. Меня — в горячий душ и спать, а дед пошёл за другой машиной, потом вызволял отца с приятелем. Возились они долго, трактор вытащил их к обеду.

Кабаниха и лайка

А был ещё случай на зимней охоте. Стоим мы с дедом на номере — это такое место по краю леса, куда загонщики выгоняют зверя. Дед мне лежанку соорудил, потеплее устелил. Стоим, наблюдаем за природой, дедуля опять рассказывает что-то про повадки зверей. По охотничьим меркам мы вели себя безобразно шумно, но нам было весело.

И вдруг прямо на нас выходит огромная кабаниха. Её гнала на нас любимая дедова лайка — боевой пёс, который всегда выводил зверя прямо на хозяина. Но дед при мне никогда не стрелял в зверей. Он быстро зашумел, замахал руками, чтобы кабаниха свернула в сторону. И она послушалась, побежала дальше — прямо на моего отца. Там потом такая пальба стояла! Отец решил почувствовать себя Рэмбо, стрелял с бедра, но, к счастью, ни в кого не попал. Все остались живы и здоровы, кабаниха тоже, потом охотники отца на смех взяли.

Мясо семье было нужно, продуктов тогда не хватало, и дед частенько привозил свежатину. Но святое правило: если мать с детёнышами — не трогать никогда. Ни сам не стрелял, ни другим не давал.

Слеза утки

Моя охота закончилась в один момент. Поехали как-то на утку. Отец подстрелил птицу, и она упала недалеко. Я побежала за ней. Подняла, а у неё из глаза течёт слеза. Настоящая, прозрачная слеза. Я так зарыдала! Я вдруг всей душой прочувствовала её боль, её невинную смерть. Больше я никогда не ходила на охоту. И стала ярим её противником.

Лыжные прогулки

А лыжные прогулки с дедом остались со мной навсегда как воспоминание о настоящем счастье. Мы ходили по полям и лесам на много километров. Дед учил меня распределять силы, синхронизировать движения рук и ног, правильно дышать. Учил слышать лес, понимать его обитателей, читать следы на снегу. Наслаждаться тишиной и красотой нашей земли. Часы, проведённые с ним в лесу, — это время общения наших душ. Бесценное время.

Школьные годы и выбор пути

Время летело быстро. Из гадкого, но симпатичного утёнка я превращалась в девушку. И, конечно, меня не обошёл стороной самый волнительный вопрос — любовь. Но в школьные годы я была слишком увлечена спортом (и, честно говоря, не очень учёбой), чтобы серьёзно задумываться о романах. Мальчишки влюблялись, носили портфель, ухаживали — всё как положено. Но продолжение меня не интересовало. Воспитание было слишком крепким, даже категоричным в этом смысле.

Нагрузка в школе росла. Одиннадцатый класс, подготовка к экзаменам. И тут моя учительница английского, по совместительству классная руководительница, ставит мне в ряд восемь двоек за второй учебный месяц. Шок! Я никогда не была троечницей, скорее хорошисткой. Как такое могло произойти, я не понимала до сих пор. А чтобы исправить одну двойку, надо получить три пятёрки. Паника накрыла с головой. Родители как раз улетели на две недели в Турцию, я осталась с бабушкой. Усталость, стресс, а тут ещё моя репетитор по русскому и литературе предложила: перейти в экстернат, сдать программу ускоренно и спокойно готовиться к поступлению в институт. Я ухватилась за эту идею. Уговорила бабушку ничего не говорить родителям и за неделю провернула перевод. Когда мама с папой вернулись, в шоке были уже они. Мама пыталась меня переубедить, уговаривала вернуться в школу. Но у меня есть черта: если я сказала «нет» — значит нет. Договориться со мной невозможно, если я что-то вбила себе в голову. Родителям пришлось смириться и забрать документы. Каким-то чудом я попала в группу «блатников» в экстернате. Мы сдавали экзамены в отдельном кабинете, не особо напрягаясь. Мне открылся другой мир: оказывается, можно и так. Выпускного у меня не было. Я не страдала — меня больше заботила подготовка во Всероссийскую академию внешней торговли (ВАВТ). И любовь, конечно, тоже уже поселилась в сердце.

Я хотела в разведку. Детская мечта, влюблённость в эту профессию никуда не делась. Но папа снова сказал своё веское «нет». «Женщина в разведке — ни мать и не жена», — отрезал он. Иллюзии снова рухнули.

Тогда я попросилась в адвокаты. Выбрала лучший Вуз. Мне так хотелось отстаивать справедливость, защищать слабых, тех, кто не может постоять за себя. Я представляла, как стою перед судьёй и произношу пламенные речи. Папа охладил пыл: «Это дорого, и не самая лучшая идея».

Я предложила стать психологом. Мне казалось, я хорошо чувствую людей, понимаю их души. Но тут родители были единодушны: «Нет. Психолог — это медик, значит лечить людей, а для этого надо учиться всю жизнь». Не подходит. Решили за меня. Выбрали тот институт, который закончил отец. Сопротивляться было бесполезно.

Так закончилось моё детство. Начиналась взрослая жизнь, полная неожиданных поворотов и новых «невозможных» миссий. Я ещё не знала, что впереди меня ждут такие приключения, по сравнению с которыми меркнут и иорданские гонки, и охота с дедом. Я вступала в новую эпоху — эпоху выбора, ошибок и побед. И фундамент, заложенный в детстве, должен был выдержать любые испытания.

Глава 5. Люди, которые меня сформировали

Когда характер становится судьбой

Встреча с Алиной Алексеевной

Мне невероятно повезло: в моей жизни встречались люди, которые щедро делились самым ценным — своим жизненным опытом, своими знаниями, своей душой. Таким человеком стала Алина Алексеевна Попова.

Мы жили с ней в одном дачном товариществе. Наше знакомство произошло, когда мне было лет десять. Я гуляла с мамой по аллеям, и к нам подошла интересная женщина в костюме, украшенном элементами народной вышивки. С ней был её муж Сергей Николаевич. Она обратилась к маме: «Милочка, а кто это очаровательное создание с длинной косой?» Речь шла обо мне. Завязался разговор. Алина Алексеевна стала расспрашивать меня: что я последнее смотрела в театре? Чем увлекаюсь? Как провожу свободное время?

Выяснилось, что в театре мы не бывали, любимое увлечение — футбол, а время я провожу, гоняя с мальчишками по посёлку. Всё. На этом развитие десятилетней девочки заканчивалось. Алина Алексеевна была поражена таким невежеством и педагогической запущенностью. И предложила маме немедленно начать заниматься со мной — каждый день, в первой половине дня.

Так начались мои уроки. Алина Алексеевна и её муж Сергей Николаевич стали моими самыми близкими, любимыми людьми. В тишине они даже называли меня дочкой — у них было двое сыновей, а о дочке всегда мечтали. Каждый день, и в будни, и в выходные, я проводила у них. Друзья-мальчишки ворчали: из-за моих занятий я пропадала до полудня и пропускала все важные дворовые дела.

Чем мы занимались? У Алины Алексеевны было множество журналов и книг по искусству, скульптуре, архитектуре, поэзии. Она учила меня читать вслух — красиво, выразительно, с чувством, с проживанием текста. Потом — составлять свои тексты, писать сочинения, изложения. Мы рассматривали картины, обсуждали впечатления, делились чувствами. Она погружала меня в мир, где можно видеть душой, чувствовать самое тонкое и едва уловимое. А я, как самая послушная ученица, ловила каждое её слово, каждое размышление.

Она учила меня и тому, что должна уметь делать девочка по дому. Я с удовольствием помогала, делала всё, что могла. С начала сезона и до конца мы были неразлучны. Нам всегда было о чём поговорить, что обсудить. Моя жизнь заиграла новыми красками. У меня появился внутренний мир. Мне стало интересно жить, интересно с самой собой.

Именно Алина Алексеевна открыла мне дверь в поэзию. Мы читали стихи, слушали «космическую» музыку, которая, казалось, исходила из самих строк. С ней мы учили наизусть Пушкина, и я навсегда полюбила его творчество. Я счастлива, что в моей жизни были эти люди. Они своей жизнью показывали, какими должны быть отношения в паре — честными, верными, без интриг и пустых обид. Что такое истинная ценность.

Мы так привязались друг к другу, что и в Москве я бывала у них не гостьей, а заботливой дочкой или внучкой. Когда я стала подростком, Алина Алексеевна учила меня строить отношения с молодыми людьми: книжному флирту, игре словами, искусству свидания в театре. Моя честь и достоинство были в надёжных руках. О том, какой должна быть девочка, взрослеющая девушка, будущая мать, я потом много писала в своей книге «Роды — путь к счастью». По сути, эта книга — гимн моему воспитанию. И я очень рада, что оно было именно таким: с ценностями, смыслами, чёткими ориентирами.

У меня сформировался железобетонный иммунитет к тому, что надвигалось на нашу страну, — к разрушению традиций, нравственности, культурной основы. Именно в те годы у

меня родилась мечта: создать центр знаний, школу, где будут воспитывать человека человеком. Я знала, я чувствовала, как это должно быть.

«Королева Марго»

Ещё одна важная встреча случилось зимой, когда мне было десять лет. Я гостила у дедушки в д/о «Тетьково» в Тверской области, и зима там была настоящая, русская — с морозом, искристым снегом и сугробами в человеческий рост. Именно там, в этой зимней сказке, я познакомилась с удивительной парой — Маргаритой Адамовной и Владимиром Павловичем Козаченко. Она — акушер-гинеколог-эндокринолог, врач высшей категории, кандидат медицинских наук, доцент. Он — профессор, доктор медицинских наук, академик РАЕН, научный консультант онкологического отделения хирургических методов лечения, онкогинекологии.

Но для меня они стали не просто учёными, а людьми, которые с любовью делились своей мудростью и душевным теплом.

Это волшебная семья, по-настоящему влюблённая в медицину. Они служили науке и внесли в неё неоценимый вклад, но главное — они учили своей философией жизни: любви к ближнему, полной самоотдаче любимому делу, верности друг другу и своему призванию.

Каждый вечер мы с Маргаритой Адамовной ходили на каток. Морозец пощипывал щёки, в воздухе кружились снежинки, переливаясь в свете прожекторов, вокруг катка горели разноцветные огоньки, а в центре стояла огромная украшенная ёлка с сияющей красной звездой на макушке. Мы нарезали круг за кругом, и время пролетало незаметно. Два часа на льду — и ни капли усталости, только лёгкость и радость.

О чём можно говорить с десятилетней девочкой два часа подряд? Оказывается, о многом. Маргарита Адамовна рассказывала о жизни, о ценностях, о людях, о том, как важно беречь себя и своё предназначение. Она не поучала, не читала нотаций — она просто жила рядом, делилась историями, наблюдениями, мудростью, накопленной за годы. Я слушала, раскрыв рот. Она была настоящей энциклопедией, но не скучной, а живой, тёплой, увлекательной.

И вот однажды, сделав очередной вираж вокруг ёлки, я взглянула на неё. Она стояла в потоке света, снежинки падали прямо на неё, задерживались в волосах, на плечах, и вся она светилась изнутри. Это было так красиво, так волшебно, что у меня в голове само собой всплыло: «Королева Марго». Не Маргарита Адамовна, а именно Королева Марго — величественная, мудрая, прекрасная. С тех пор я только так её и называла — про себя, а потом и вслух. Она стала для меня не просто доктором, а воплощением женской силы, женщиной глубокого знания жизни.

Когда пришло время выбирать своего гинеколога, семья, конечно, отправила меня именно к Маргарите Адамовне. И тут я увидела другую её сторону — строгую, авторитетную, но неизменно заботливую. Она не просто осматривала и назначала анализы. Она учила. Учила понимать своё тело, уважать его и беречь.

Её кабинет был похож на храм науки и женской мудрости. Помню её слова, сказанные без тени смущения или ложной стыдливости: «Перед тем как вступить в близкие отношения, ты имеешь право знать о здоровье партнёра. Попроси справку. Мужчина может быть носителем того, что поставит под сомнение твою способность стать матерью». Для меня это было не нарушением доверия, а проявлением заботы — о себе, о будущих детях, о своём роде.

Она объясняла: важно не только физическое здоровье, но и чистота намерений. «Спроси у молодого человека, — меня учили, — как он отнесётся к появлению ребёнка. Даже если вы предохраняетесь, отношения могут закончиться беременностью. И это не катастрофа, а естественное продолжение любви. Если он видит в тебе только объект для удовлетворения страстей, зачем тебе такой мужчина? Ты не вещь, ты — будущая мать». Эти вопросы, заданные вовремя, помогали отсеивать случайных людей и сохранять себя для настоящего.

Она научила меня вести календарь цикла, отслеживать своё состояние, замечать малейшие изменения. «Твоё тело — это тонкий инструмент, — говорила Маргарита Адамовна. —

Научись его слышать, и оно никогда тебя не подведёт». И, пожалуй, самый ценный подарок — знание о том, как работает зачатие. Я пользовалась этим знанием много лет, и оно ни разу не подвело. Шестеро детей — лучшее подтверждение.

Но главное, что вложила Маргарита Адамовна в меня, — это понимание: моё тело, моя флора, моя женская суть — это не просто «я», это потенциал будущих поколений. Каждая девочка рождается с кодом, в котором записано её предназначение — стать матерью, хранительницей рода, берегиней семейного очага. И то, как мы относимся к себе в юности, напрямую влияет на то, какими вырастут наши дети.

«Хаотичные связи, — это растрата своего женского потенциала. Это всё равно что разбрасывать драгоценные жемчужины в мутной воде. Ты не знаешь, что подхватишь, какой чужой код внедришь в свою природу. А ведь от этого зависит здоровье твоих будущих детей, их интеллектуальные возможности, душевные качества, таланты». Эти слова звучали для меня не как запрет, а как предупреждение любящего человека, который видит дальше и больше.

Это лучшее, что могло быть

Мне часто говорят, что мои взгляды на отношения кажутся старомодными, даже жёсткими. Возможно, для кого-то они звучат как нравоучения или пропаганда. Но для меня это не догмы, навязанные извне, а естественная основа, на которой строится моя жизнь. Я не призываю всех жить по моим правилам. Я просто делюсь своей историей и своей правдой.

Уважаемый читатель, если то, что я пишу, покажется вам слишком прямолинейным или пафосным, — прошу вас, сделайте скидку на то, что для меня это не абстрактные истины, а самое сокровенное, выстраданное и выношенное. Я говорю об этом не потому, что хочу кого-то поучать, а потому что верю: мои учителя передали мне нечто бесценное, и я хочу поделиться этим с теми, кому это может быть важно и полезно. Вы вольны взять то, что откликается, и оставить остальное. Моя цель — не навязать, а приоткрыть дверь в свой мир.

Благодаря Маргарите Адамовне и моему дедушке, я с детства впитала: хаотичные связи — это не «свобода», а ловушка. Смена партнёров ради «опыта» или чтобы «не быть одной» — это путь к потере самоуважения и, в конечном счёте, к проблемам со здоровьем. И речь не только о болезнях, которые лечатся месяцами. Речь о душе, о той невидимой целостности, которая делает женщину женщиной.

Я помню, как в восемнадцать лет, когда молодые люди начинали намекать на близость, я искренне не понимала, о чём они говорят. Мне приходилось переспрашивать: «А что именно ты хочешь? Что значит „дашь“?» Это вызывало смех и удивление: «Ты прикалываешься?» Но по моему лицу было видно — нет, не прикалываюсь. Я просто выросла в мире, где интим не был темой для лёгких разговоров, а тем более для ранних экспериментов. Мой дед говорил: «Если парень к тебе имеет серьёзные намерения, то не будет требовать, не будет ставить условия „дашь или не дашь, иначе я уйду“. Он первый, кто будет сохранять ваши нежные и трепетные отношения. Такую девушку он возьмёт в жёны и будет ждать от неё детей».

Сегодня я испытываю не стыд, а гордость за то, как меня берегли и считаю это самым важным в воспитании девочки.

Да, отец порой бывал бестактен, по-мужски грубоват: «Ну что, когда в подоле нам принесёшь?» — подкалывал он, заставляя краснеть. И строгое правило возвращаться домой до девяти вечера казалось мне жестокостью, средневековым. Я злилась, ненавидела эти рамки, чувствовала себя узницей. Но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: это была забота. Не всегда деликатная, не всегда выраженная правильными словами, но искренняя, идущая от сердца. Они бились за меня, за моё будущее, за то, чтобы никакая случайность не омрачила мою жизнь. И результат их «целомудренного» воспитания я вижу в своих детях.

Культура женской души

Я часто думаю о том, как важно, чтобы в жизни каждой девочки, каждой девушки нашёлся такой авторитетный человек, целитель женской души. Не обязательно гинеколог,

может быть, старшая подруга, учительница, тётя, мама, бабушка. Главное, чтобы это был человек, которому можно доверять, который направит, поддержит, объяснит. Который расскажет не только о физиологии, но и о том, что такое женское достоинство, личные границы, уважение к себе.

Особенно больно мне видеть так называемых «хороших девочек», которые попадают в плохие ситуации. Их воспитывали удобными, послушными, и в какой-то момент эта «хорошесть» становится капканом. Они не умеют сказать «нет», не умеют защитить себя, не знают, что имеют право на отказ, на своё мнение, на свою жизнь. И тогда случаются нежеланные беременности, болезни, сломанные судьбы.

Поэтому так важна культура половых отношений — самая, на мой взгляд, важная дисциплина для молодых людей. Это основа здоровой нации, фундамент сильного государства. От того, как мы воспитываем мальчиков и девочек, как объясняем им ценность их тел и душ, зависит, какими вырастут наши дети и внуки.

Маргарита Адамовна учила меня не только медицинским аспектам. Она говорила о любви. О том, что настоящая любовь не начинается с постели. Она начинается с разговоров, с взглядов, с общих интересов, с уважения, с интеллектуального притяжения. «Влюблённость — это не любовь, которая разрешает лечь в постель, — повторяла она. — Любовь развивается во времени и утверждается в нём. Воздержание — это проверка чувств. Если через полгода-год, при сохранении контакта и отсутствии других отношений, вы всё ещё хотите быть вместе, — значит, это не случайная страсть, а нечто большее».

И ещё один важный урок: выбирая мужчину, смотри на его семью. Человек всегда будет воспроизводить сценарий, в котором вырос. Как его мать относится к отцу, такого же отношения он будет ждать к себе. Как отец относится к матери — так он будет относиться и к тебе. Договориться «на берегу» о ценностях, традициях, целях — единственный способ построить прочный союз.

Когда семья рождается из такой осознанности, из целомудрия и чистоты помыслов, в ней поселяется что-то большее, чем просто двое. В такие семьи приходит волшебство, покровительство, проявлена сила рода. Любовь приобретает иную глубину и остроту. Здесь нет места предательству, потому что каждый знает цену, вложенную в их союз.

Я не идеальна. Во мне, как и в любом человеке, есть свои противоречия. Но в одном я уверена точно: то воспитание, тот фундамент, который заложили в меня мои учителя, — это моя опора. И сегодня, когда я смотрю на своих шестерых детей, я понимаю: всё было не зря. Каждое «нельзя», каждое правило, каждый разговор на катке под падающим снегом — всё это работает, всё это даёт плоды.

Каждой молодой женщине я хочу сказать: ищите своего доктора, своего гинеколога, которому сможете доверять. Это не просто врач, это человек, который может стать вашим проводником в мире женского здоровья. Не бойтесь задавать вопросы, не стесняйтесь говорить о самом сокровенном. И помните: иногда нам нужно разрешение — на отдых, на то, чтобы быть собой, на своё творчество, на свои границы. Умение сказать «нет» — это не грубость, а акт высшей любви к себе. И если вы ошиблись, если не убереглись, — знайте: женская душа уникальна своим искусством самовосстановления. Главное — найти того, кто поддержит и направит, не осуждая, а помогая.

Я благодарю судьбу за моих учителей — дедушку, папу, Алину Алексеевну, Маргариту Адамовну и Владимира Павловича. Они дали мне не просто знания, а крылья, защиту и ресурс, чтобы я могла лететь и не разбиться.

И сегодня я, думаю обо всех детях — о всей нации, о народе. Потому что чужих детей не бывает. И если моя история поможет хотя бы одной девочке уберечь себя, сказать «нет» там, где нужно, и «да» — там, где пришла настоящая любовь, — значит, всё это было написано не зря.

P.S. «Оказывается, как много зависит от меня самой». Эти слова я вынесла из кабинета Королевы Марго как главный жизненный принцип.

Часть II. Когда рушится мир

Глава 6. Любовь, которой я ещё верила

Настоящая жизнь

Моё увлечение спортом, дружба с духовной наставницей и подготовка в ВУЗ занимали всё моё время. И вот начались вечерние курсы во Всероссийской академии внешней торговли — три раза в неделю. На курсах я познакомилась с одной девушкой, и однажды она пригласила меня съездить с ней на её занятие по НЛП. Время у меня было, почему бы и нет? Место встречи — станция метро «Новослободская».

Мы зашли в аудиторию, стали общаться с преподавателем. Там же находился какой-то парень — худощавый, высокий, с чёрными волнистыми волосами. И вдруг я ловлю его взгляд: он не сводит с меня глаз. Наши взгляды встретились — и началась беседа без слов. Мы просто смотрели друг на друга, не слыша и не понимая, что происходит вокруг. Мир перестал существовать. Все заметили эту искру, эту безмолвную связь.

Дальше за нас решила наша общая знакомая. Этот парень, как выяснилось, был её одноклассником, и звали его Кирилл. Она скомандовала, что пора ехать на курсы, время поджидает. А мы были настолько увлечены друг другом, что даже в метро, всю дорогу, не могли оторваться друг от друга, говорили без умолку, глядя в глаза. Это было волшебство. На курсах он остался с нами, хотя должен был идти по своим делам. Позже он часто приходил к нам на учёбу — контроль посещения был нестрогий. А потом он определился и стал поступать в другой институт, но наши встречи не прекратились.

В тот первый вечер Кирилл вызвался проводить меня до дома. Когда мы прощались, он попросил номер телефона. Я не сопротивлялась. Уже вечером раздался звонок — и опять нам было о чём говорить. Так началась история моей первой любви. Самой сильной, самой чистой, самой настоящей — такой, о которой пишут в книгах и снимают кино. Мы часами болтали по телефону, даже ночами, тайком от родителей. О чём мы говорили? Сейчас уже не вспомню, но нам всегда было что сказать друг другу.

Тот был год подготовки к поступлению в институт. У каждого стояла важная задача, а тут — любовь. Когда мы встречались, мы бесконечно гуляли по Москве, часто ночной, держась за руки, как самые счастливые влюблённые. Между нами было небесное притяжение: мы уже скучали, едва расставшись. Тогда мы придумали писать друг другу послания в записных книжках и при встречах обмениваться ими. Времени катастрофически не хватало, а эмоции переполняли и требовали выхода. Нас иногда сравнивали с Киркоровым и Пугачёвой — находили отдалённое сходство. Это были красивые, нежные, трепетные отношения, и мы верили, что они будут длиться вечно.

Получив первую стипендию в институте, Кирилл купил мне золотое кольцо с настоящим гранатом. Я храню его до сих пор и считаю счастливым. Это дорогой и ценный для меня подарок.

Знакомство с семьёй

Настал момент знакомства с родителями. Мы встречались уже давно, и его семья пригласила меня в гости. Я, конечно, волновалась и готовилась ответственно. У Кирилла была младшая сестра, и я заранее её побаивалась. Решила сразу заручиться её поддержкой — купила вкусняшек. Знакомство прошло тепло и дружелюбно. Интеллигентная семья: мама — учительница младших классов, папа — военный. Сестра оказалась не страшной, а очень даже классным подростком. Забегая вперёд, скажу: мы дружим до сих пор, она мой самый лучший

и надёжный друг. А родители Кирилла стали близкими мне людьми, хотя по закону первой любви им не суждено было стать моими свёкром и свекровью.

Кирилл носил меня на руках, обожал, сдувал пылинки, предугадывал желания. Я ещё не успевала подумать, а он уже делал. Между нами было волшебство чувств, эмоций, о котором можно только мечтать. Я понимала, что он студент, что всё лучшее впереди, и не требовала ничего. Когда живёт любовь, не нужны материальные доказательства.

Чёрный всадник

За три месяца до встречи с Кириллом, в начале лета, мы с родителями отдыхали в санатории «Назарьево». Там я познакомилась с мальчиком, совсем не приметным, даже несимпатичным: ниже меня ростом, в толстых очках, внешне совершенно не в моём вкусе. Ничем он меня не покорила, но почему-то вызвал во мне какой-то странный интерес. Он активно завоевывал моё внимание, и, каким-то непонятным образом, проник в моё сознание и начал влиять на меня.

Первое, что он внушил: мне надо похудеть килограмм на десять. Второе: сменить имидж с «простушки» на статусную девушку. И он вплотную занялся моим «воспитанием». Третье: он пытался просветить меня в вопросах отношений между мужчиной и женщиной, но тут у меня включилось мощное сопротивление — спасибо моим мудрым учителям.

Он обладал наглостью и напором, вмешивался в наш семейный уклад, вызывая сначала удивление, а потом и недоумение у моих родителей. Мама с папой спрашивали: «Катя, что ты в нём нашла? Он ничего из себя не представляет, только давит и воспитывает тебя, делает замечания. Почему ты это допускаешь?» Я молчала, мне и самой было непонятно, как он вообще оказался в моей жизни. Любви не было, но было странное притяжение, словно гипноз. Однако один вопрос он так и не смог победить.

Когда он уехал в отпуск с родителями в Турцию, он поставил мне задачу: похудеть на 10 кг к его возвращению через три недели. Мы с родителями вздохнули с облегчением — наконец-то этот тягостный тип исчез из нашей жизни. Но, по загадочному стечению обстоятельств, его программа засела во мне. Я предприняла отчаянные попытки похудеть, и, к моему удивлению и печали, похудела на эти самые 10 кг. Путь был сложный, как у всех юных и не думающих о последствиях: диеты, ограничения — ценой собственного здоровья. Я сходила на свидание в новом костюме с короткой юбочкой, худая, но болезненная, а на следующий день родители положили меня в больницу.

Там мне встретился доктор, который, как я поняла много лет спустя, провёл сеанс гипноза. После него вопрос фигуры перестал меня терзать. Я ела всё, но разумно, и больше никогда не худела экстремально. Поддерживала форму спортом, но не ценой голодания.

Наши отношения с тем мальчиком были токсичны с самого начала. Он получал удовольствие, издеваясь надо мной: говорил гадости про фигуру, манеры, твердил, что я «никакая». А я не могла закрыть эту дверь, не могла прекратить эти абьюзивные отношения. После редких встреч я приходила домой раздавленная, подавленная, иногда в слезах. Родители недоумевали: «Что он с тобой делает? Это же насилие!» Не физическое, но психологическое — однозначно.

И вот в тот самый момент, когда «чёрный всадник» владел моим разумом, появился белый на белом коне — мой Кирилл. Он оторвал меня от тирана, подарил свет. Но дверь с тёмным прошлым не закрывалась сама собой. Раз в месяц или два я по инерции встречалась с этим мучителем, и он снова оскорблял, унижал. Я не понимала, почему так происходит и почему я вообще с ним общаюсь.

Один случай поставил точку. Мне было уже 18, у меня были права (спасибо отцу, который с 17 лет учил меня водить). Мы с этим «чёрным всадником» поехали кататься на машине отца, и я на несколько часов пропала со связи. Отец, не дозвонившись, запаниковал и позвонил родителям моего мучителя. В свойственной ему манере он драматизировал ситуацию и

произвёл неизгладимое впечатление на его семью. Больше этот парень мне не звонил, не преследовал, не травмировал. Я была спасена.

Конец любви

Мой спаситель Кирилл был послан мне как лекарство для души. Мы наслаждались нашей дружбой и, конечно, мечтали о семье, о детях. Но этому не суждено было сбыться.

Помню один день, когда мы всей семьёй отправились в магазин за продуктами к какому-то празднику, и Кирилл был с нами. Но внезапно его планы изменились, и он не поехал с нами, чем меня крайне удивил. После этого дня он стал замкнутым, поток счастья иссяк. Мы виделись всё реже, он постоянно был занят, отстранён. Вскоре наступило лето, и мы с мамой, братом и бабушкой улетели в Сочи по путёвке. Оттуда я звонила Кириллу постоянно, но почти не могла его застать. А когда удавалось поговорить, я слышала холодность, которую не могла объяснить.

Я паниковала. Что я сделала не так? Где ошиблась? Что происходит? Вернувшись с моря, на следующий же день я поехала к его маме и сестре. Мы долго беседовали, и они подтвердили: да, он странно себя ведёт, замкнулся, и они не знают причины. Я пыталась выяснить, не полюбил ли он другую. Если бы так — я бы поняла, я желала ему только счастья. Но причина была не в этом, а мне её никто не назвал.

Я впала в глубокую депрессию. Рыдала неделями, глядя на любимые берёзы, вопрошала небо: где я неправа? Почему так происходит? Ответа не было. Меня мучил один вопрос: как можно отказаться от такой любви, какая была между нами? Что случилось?

Спустя тридцать лет от его сестры, ставшей моим другом, я узнала правду. Это объяснило всё. Не обошлось без моего любимого папочки. Он вмешался и здесь. В тот самый день, в магазине, пока мы с мамой ходили между рядами, папа и Кирилл остались у кассы. Оплатив огромную корзину продуктов, отец повернулся к нему и сказал: «А ты сможешь обеспечить ей такой уровень жизни? Она привыкла к этому уровню жизни и на меньшее не согласится. Оставь её, мальчик, просто отойди». И Кирилл отошёл.

Я не знала, как мне жить, как дышать без него. Пришлось учиться заново: искать опору, смыслы, новые задачи. Этот разрыв тогда стал сильнейшим потрясением, глубокой травмой. Такой любви в отношении себя я больше не встречала никогда. Да, это была она — первая, чистая, светлая любовь. И я благодарна судьбе, что она была в моей жизни. Бесконечно, горько, что мой отец так несправедливо травмировал Кирилла.

Спустя продолжительное время, когда я открыла глаза на мир, в мою жизнь пришли новые истории, новые люди, новые испытания. Но память о той любви осталась со мной навсегда — как напоминание о том, что чудеса случаются, даже если им не суждено длиться вечно.

Глава 7. Ошибки, которые меняют судьбу

Борьба за трезвость

Мой отец был связан сначала с партийной работой — постоянные встречи, заседания, праздники. Потом пришла коммерция, а с ней — ответственность, переговоры с важными людьми и опять застолья. Как у многих людей, живущих в постоянном стрессе и ведущих активные переговоры, это было связано с определённым образом жизни, и выпивка стала его неотъемлемой частью. Нас с мамой это очень расстраивало. Поначалу мы понимали и принимали объяснения. Но мы-то хотели жить по-другому. И я, как борец за здоровый образ жизни и семейное счастье, объявила войну этому неведомому зверю. Уничтожала папины запасы — просто выливала. Меня ругали. Я разбавляла водой. Это была настоящая битва. Устраивала скандалы, не давала ему спокойно жить. Когда подросла, даже выгоняла из дома, и папе приходилось оставаться на другой квартире. Мы боролись за трезвую семью как могли. К тому времени уже появился мой брат, он хоть и был малышом, но тоже стал членом нашей команды, и мы тем более хотели счастья и мира.

Я уже водила машину и была по умолчанию водителем отца. А когда возила его после встреч, постоянно подвергалась многочисленным замечаниям в адрес моего мастерства управления автомобилем. Меня это крайне расстраивало: я была эмоциональным подростком (ну, почти взрослая, но внутри ещё очень ранимая) и всё принимала близко к сердцу. Папины слова ранили, особенно на фоне его состояния.

В один прекрасный солнечный осенний выходной я везла отца сначала на встречу, а потом после неё, послушно выполняя роль водителя. Выслушав очередную порцию претензий от не совсем трезвого родителя, я достигла точки кипения. Внутри созрело решение: «всё, я уйду из дома, я так больше не могу». В тот период я уже была студенткой института, почти взрослая личность.

Довезла папу до территории нашего дачного посёлка. Я была уверена: 200 метров он и сам проедет. Вышла из-за руля и сказала: «Всё, с меня хватит. Дальше едешь сам. Я уйду». Папа спокойно сел за руль и поехал домой, на наш участок. А я пошла по дороге, потом села на огромную бетонную плиту, которая лежала в кустах у обочины, и стала рассуждать сама с собой. О жизни. О том, что я действительно так больше не хочу. За что мне всё это? И тут же наложилось недавнее расставание с Кириллом. Всё смешалось в один ком боли. И я принимаю решение — решительное и окончательное: уйду из дома навсегда.

Путь в никуда

Посидела на плите и направилась к выезду из посёлка. Иду и сначала мысленно ругаю отца, потом жалею себя, перебираю свои страдания, которые меня тогда окутали. Вышла за пределы посёлка, шагаю по единственной дороге, ведущей в город. На душе становилось всё грустнее, печальнее. Мне так хотелось, чтобы отец догнал меня, вернул. Каждую приближающуюся машину я чувствовала спиной, молилась, чтобы это оказался он. Но он не ехал. Тогда я поняла: нужно что-то решать самой. И с этого момента я научилась по-настоящему разговаривать с собой, задавать вопросы и искать ответы. Я решила: раз он за мной не едет — значит, я ему не нужна. А если я не нужна собственному отцу, и он выбирает пьянку, значит, я сама пойду и устрою свою жизнь. И тут же дала себе слово: я никогда не вернусь в этот дом, если отец сам за мной не приедет.

Папа не ехал. А я прошла уже около километра. Идти до города стало страшно, и я решила остановить машину, попросить довезти меня до Алины Алексеевны. Заодно, чтобы отец помучился и начал искать, я решила пропасть. Маму было жаль, я мысленно перед ней

извинилась, но спасала себя — вырывалась из этого пьяного ада. Тогда я именно так чувствовала ситуацию, эмоции захлёстывали.

И тут тормозит иномарка. Мужик за рулём говорит: «О, да ты девчонка! А я думал, парень идёт. Ты чего тут одна? Давай садись, подвезу». А у меня мозги только одним заняты — своей болью. Я спрашиваю: «А вас мой отец послал?» — «Нет, какой отец?» — удивляется он. — «Ну как же, мы только что поругались, наверное, он вас отправил меня вернуть...» — «Да нет, никто меня не посылал. Еду, вижу со спины — парень, думаю, давай подвезу, а то темнеет уже». Последняя надежда рухнула. А так хотелось, чтобы он оказался от папы...

«Ты чего, садись давай, куда тебе? Одна тут ходишь, это же опасно. Да ещё и с отцом поругалась...» — подсмеивался мужчина. «Нет, не сяду. Я вас боюсь, я вас не знаю». Он рассмеялся ещё громче. «Давай садись, я довезу, куда скажешь. Расскажешь, чего вы там не поделили. Ну, хватит стоять, садись уже. Я ничего тебе не сделаю, просто подвезу». Делать нечего, я постояла, подумала — и согласилась. Назвала адрес, пообещала заплатить.

Мы поехали в Москву через Одинцово. Мой спаситель пытался меня успокоить, говорил, что все дети ссорятся с родителями, это пройдёт, обязательно помиритесь. Но я была непоколебима в своей уверенности, что это навсегда. Вдруг ему позвонили, и он сказал, что у него срочное дело, очень извинялся, предложил: довезёт до Одинцово, отъедет ненадолго, а если меня никто не подберёт, он вернётся и довезёт до конца. Высадил на кругу при въезде в город. Минут через пять я осмелела, поняла, что ездить автостопом не так страшно, и сама подняла руку. Тут же остановились «Жигули», за рулём пожилой мужчина. Я назвала адрес, он обозначил цену — деньги у меня были, поехали. По дороге он расспросил, что случилось, очень проникся, пожурил, что хорошая девочка сбежала из дома и шастает по незнакомым машинам, сейчас время опасное. Но с его слов, мне повезло, что встретился именно он. Взял с меня немного, даже скидку сделал, и довёз до самого дома Алины Алексеевны. На прощание пожелал помириться с отцом.

Алина Алексеевна была в шоке, увидев меня почти ночью на пороге. Но делать нечего — уложила спать, но предупредила: завтра утром мне придётся уйти, потому что мама наверняка позвонит, а она врать не будет и скажет, что я здесь. Я стала думать, куда податься дальше. И придумала. Незадолго до этого отец познакомил меня с автослесарем, который занимался машинами «Вольво», и сказал знаменательную фразу: «Езди только к нему и больше ни к кому».

Немного предыстории

Папа посадил меня за руль «Москвича-2141», и я долго на нём ездила. Но мне ужасно хотелось пересесть на его маленькую «Вольво-440», чтобы не только покрасоваться перед ребятами в институте, на ней правда удобнее. На «Москвиче» я постоянно заливала свечи — приходилось выходить, доставать их, продувать... Это было жутко неудобно. Отец поставил условие: выучишь устройство «Москвича» — будешь ездить на «Вольво». У меня появилась цель — я выучила. Отец сдержал слово, и я пересела на «Вольво», чему была несказанно рада. Началась новая, более комфортная жизнь за рулём. И тут случилось: на заправке мне несколько раз подряд залили бензин с краской. Отец каждый раз приезжал спасать, буксировал машину в сервис. Его водитель нашёл ребят, которые в гараже занимались только «Вольво», и они перебирали карбюратор, в который попадала краска. Так я познакомилась с Геннадием — старшим в этом сервисе. Мы даже немного сдружились, и вот, когда я ушла из дома — у меня возник план...

Рано утром, часов в семь, Алина Алексеевна сказала, что не спала всю ночь, и мне пора уходить. Я звоню Геннадию и заявляю, что у меня очень важный разговор, и не мог бы он встретиться со мной на остановке у кинотеатра «Звёздный» возле метро «Проспект Вернадского». Он крайне удивился, но согласился. К тому времени я уже начала краситься, и первое, что мне понадобилось, тушь и карандаш-подводка.

Неудавшаяся спецоперация

Попрощавшись с Алиной Алексеевной, я отправилась в переход возле кинотеатра, где было множество киосков. Закупила косметику, привела себя в порядок и встала на остановку ждать своего предполагаемого спасителя. А задумала я, попросить его снять у него комнату: объяснить свою деликатную ситуацию, сказать, что больше никого не знаю, и попросить помощи. Но что-то пошло не так. Геннадий не приехал! Вернее, мы не встретились — как выяснилось позже, по недоразумению. Возмущённая до глубины души (как так, взрослый человек обещал и не приехал!), я решила поехать к маме Кирилла и попроситься пожить у них. Меня приняли, накормили, напоили чаем. И мама Кирилла — опытный педагог и отличный психолог — сняла первые последствия стресса, уговорила меня не совершать глупостей, не мучить маму, которая меня безумно любит. И внушила, что лучше поехать к бабушке, маминой маме. Так я и сделала.

Бабушка обрадовалась мне несказанно, окутала любовью и заботой, поселила с комфортом. На самом деле я и раньше «уходила» к бабушке, когда мы ссорились с отцом на ту же тему. Мама, конечно, сразу узнала, где я, мы поговорили по телефону. Мне было жаль её — она переживала больше всех. Но характер у меня был железобетонный: если я что-то вбила себе в голову, то стояла насмерть. Мама взяла с меня только одно обещание: не бросать учёбу, ходить в институт. Это я пообещала.

Через пару дней я всё же решила позвонить Геннадию и высказать ему всё, что думаю о его безответственности. Возмущение во мне ещё кипело. Переступая через гордость, набираю номер. Три гудка, четыре — уже хотела бросить трубку, но на том конце ответил заспанный голос. Я выпалила всё, что накипело: «Почему вы не приехали, как так можно?» Он сначала опешил, а потом расхохотался. Оказывается, он приехал и прождал целый час — это я не пришла. Мы просто стояли на разных сторонах улицы, на разных остановках. Так бывает. Мой гнев утих, стало даже неловко. Он спросил, в чём суть проблемы. Я наотрез отказалась говорить по телефону — вопрос слишком серьёзный. Тогда он предложил: «Приезжай ко мне, поговорим». В моей системе ценностей это было невозможно: это я должна назначать встречи, а ко мне должны приезжать. Так меня учила Алина Алексеевна. Но Геннадий легко парировал: «Пока я по пробкам к тебе доеду, время потеряем. А у меня торт есть вкуснейший, какого ты никогда не ела. Ты не набивай себе цену, я же не кавалер твой, и ухаживать не собираюсь. Просто прыгай в метро — и через 35 минут будешь на месте». Меня задело слово про «набиваю цену». И рациональный довод про время подействовал. Я сказала бабушке, что у меня важная встреча, и через 35 минут была на станции «Профсоюзная».

Согласно моим представлениям о правилах хорошего тона, англичане ждут не больше десяти минут, если человек дорог, — ну, от силы пятнадцать. А потом разворачиваются и уходят. Стою на остановке, жду. Десять минут — нет. Пятнадцать — нет. В душе опять закипает возмущение. Решаю: всё, хватит. Больше никогда не позвоню и трубку не возьму. Разворачиваюсь, чтобы уйти к метро, и вдруг случайно оборачиваюсь — вижу, его «Вольво» подъезжает к другой стороне Профсоюзной. «Ну ладно, так и быть, подойду», — горделиво подумала я. Перешла дорогу, подхожу к машине и с порога: «Вы опять опоздали!» Он рассмеялся: «Да ладно тебе, я торт покупал, садись, давай, рассказывай, что стряслось». Я снова была обескуражена его прямоотой. Когда села в машину, он посмотрел на меня открытым взглядом. На нём была дублёнка с белым мехом, лёгкая седина у висков делала его невероятно привлекательным, а улыбка просто сияла. В моём воображении он вдруг стал похож на героя-шпиона из любимых фильмов. Но я тут же отогнала эти мысли — я же приехала по делу!

Он предложил рассказать всё прямо в машине. Я возмутилась: «Как можно о таком серьёзном в машине? Может, в кафе зайдём?» — «Ты что, какое кафе? У меня такой торт, что в кафе и не снилось. „Птичье молоко с халвой“. Пробовала? Уверен, что нет. Поехали ко мне, попьём чаю». Я запротестовала: «Никаких „ко мне“! К посторонним я не хожу». Он опять рассмеялся: «Странная ты. Приехала вопрос решать, а тебе всё не так: в машине не могу, в

квартиру не пойду. Короче, выкладывай давай без пафоса». И я сдалась. Пока мы ехали, я набралась смелости и сказала: «Я поссорилась с папой». — «Ну и что? — удивился он. — Все ссорятся. Это не беда». — «Я из дома ушла». — «Тоже не беда. Где живёшь?» — «У бабушки». — «Ну и отлично. Бабушка не против?» — «Нет». — «Так в чём проблема?» — «Я ушла навсегда», — выпалила я. — «Ой, да ладно, все вы уходите навсегда», — отмахнулся он, и меня это задело.

Мы въехали в какие-то трущобы, мне стало не по себе. «Всё, приехали. Чего ждалась? Пошли чай пить, я не кусаюсь». — «Я ничего не боюсь», — ответила я, но сама тряслась как осиновый лист. Он припарковался прямо на тротуаре и повёл меня к страшному панельному дому. Я никогда в таких не бывала. Всё было в новинку: ободранный подъезд, обшарпанные стены, но чисто. На первом этаже в тамбуре четыре двери. Он открыл одну — и я оказалась в квартире, похожей на декорации советского кино. Простенький линолеум, старенький плинтус, узкий коридор, сидячая ванна — я такой в жизни не видела. Из ванны окно в кухню — вообще шок. Кухня крошечная: стол у окна, плита, пузатый холодильник в пол человеческого роста. Из коридора прям сразу от кухни проход в единственную комнату. Там у окна большой диван-кровать, над ним зеркало во всю стену, и в углу зеркала наклейка Playboy — меня это напугало. Красно-коричневые шторы, старенький обшарпанный паркет, спортивный комплекс в углу, ещё один диван, турник в проёме. Самая большая ценность — музыкальный центр с колонками по углам. Квартира была однокомнатной, так что моя идея снять комнату отпадала сама собой.

Но чистота поражала: всё сияло, ни пылинки. Мы сели пить чай с тем самым тортом. «Птичье молоко» с халвой действительно оказалось волшебным: таяло во рту, нежнейшее суфле, тонкий корж, привкус халвы — нечто невероятное. Геннадий похвастался, что купил его в соседнем магазине. За чаем я снова рассказала свою историю, он слушал, давал советы, рассуждал вместе со мной. Острота переживаний спала, но моя принципиальная позиция — «я ушла навсегда» — осталась. Проговорили пару часов.

Перед уходом он убрал остатки торта в холодильник. Я заглянула случайно: холодильник был почти пуст — литр водки да батон белого хлеба. Это впечатлило.

Около девяти вечера он предложил подвезти до метро, объяснив, что до дома довезти не может. Я согласилась. Вернулась к бабушке к десяти. Она спросила, всё ли в порядке, и отправила спать.

Жизнь почти наладилась

Я ходила в институт, жила у бабушки, с мамой регулярно говорила по телефону, иногда виделись, когда она приезжала. Машина осталась у отца на даче, и я, гордая, ездила на метро. С Геннадием мы стали созваниваться примерно раз в неделю, иногда встречались. По той же схеме: я приезжала на метро, он встречал. Просто болтали, обсуждали всякое. Однажды он узнал, что я увлекаюсь спортом, и предложил показать несколько упражнений. Для меня они оказались лёгкими: с растяжкой и равновесием у меня всегда было хорошо. Потом пояснил, что это йога, о которой я тогда ничего не знала. Показал книгу с изображением учителя йоги. Меня удивило, что учитель — не индус, а наш, русский. Геннадий сказал не открывать книгу и не читать, что, конечно, подогрело мой интерес.

Глава 8. Человек, который ломает

Шаги во взрослую жизнь

Как я обещала маме, я продолжила учёбу в институте, но конфликт затягивался. Папа отказался платить за моё обучение, а на бюджет я не прошла, хотя отец хорошо знал ректора и у меня были репетиторы прямо из института. При поступлении я узнала, что среди всех «блатных» есть ещё более «блатные» и мне не хватило одного бала на бюджет. Мама решила вопрос с оплатой — дедушка, как всегда, взял всё на себя.

Общение с Геннадием продолжалось, и он стал приоткрывать мне новый мир — мир йоги. Всё было в новинку, а потом я узнала, что он ходит в Школу йоги. Я, конечно, изъявила желание присоединиться именно к нему в группу. Он согласился, но попросил не афишировать наше знакомство. Меня эта просьба даже не удивила, и я её выполнила. Мы приходили с разных сторон и уходили в разных направлениях, а потом он меня подбирал на машине. На занятиях я занималась сама. Будучи спортивной и гибкой, у меня всё получалось очень хорошо, и на меня обращали внимание и тренер, и другие ученики. Занятия проходили раз в неделю в помещении Института йоги. Я периодически читала объявления на досках, видела студентов института — меня это всё очень интересовало.

В школе полагалось учиться три года: осваивали асаны, дыхательные практики, оздоровительные процедуры (клизмотерапию, лечебное голодание, правильное питание), а также философию йоги — я бы сказала, психологию и способы коммуникации. Мне нравилось всё, я просто поглощала знания. Ту самую заветную книгу «Йога — способ жизни» я тоже приобрела и выучила почти наизусть. Новая философия мне очень подходила. Там я узнала о целителях, которые занимались духовными причинами болезней и жизненных ситуаций, и, конечно, кинулась к ним, чтобы решить свою глобальную проблему — конфликт с отцом. Так я познакомилась с иной философией мира: оказывается, есть люди, мыслящие совсем по-другому, и эта жизнь стала мне интересна.

Жила я у бабушки и очень редко оставалась у Геннадия — с большого разрешения бабушки и тайной для всех. Спала на отдельном диване, всё было чинно и благородно, никаких посягательств на мои границы: мы это оговорили, и он дал честное слово.

Нас объединило общее увлечение — йога. Я всё познавала, а он рассказывал, что сам знал и понимал; я делилась своими ощущениями от работы с энергией, асанами, медитациями. Кроме того, когда я оставалась у него, мы подолгу беседовали о жизни. Он рассказывал свои истории — они меня восхищали, удивляли, восторгали, и где-то я стала ему сочувствовать. Он показался мне таким хорошим: понял и посочувствовал моей травме с отцом, и я захотела понять и помочь ему в его трагедиях судьбы. А их было предостаточно: развод с женой (она изменила), сын, с которым не дают видеться, ссора с родственниками в Киеве, он один на съёмной квартире. В бизнесе помогали два младших его брата, но отношения с ними не очень. И ещё была любимая девушка, чуть старше меня, но она, как выяснилось, любила другого... В общем, всё было сложно.

Так прошло два с половиной месяца с нашей первой встречи. Мы здорово проводили время вместе: днём я обязательно ездила на учёбу в основной институт, вечером по четвергам — школа йоги. И тут приближался мой день рождения. Решили отпраздновать его у бабушки. К тому времени родители разрешили мне пожить в отдельной двухкомнатной квартире на Павелецкой, чтобы я почувствовала, что такое самостоятельная жизнь. Но я всё чаще ездила к Геннадию, и мы прекрасно, по-дружески проводили время. Я проникалась к нему всё большей симпатией и просто зависала у него. Дорога на общественном транспорте меня даже не утомляла.

Моё решение

И вот час икс приближался: мы должны были встретиться со всеми родственниками на моём дне рождения. Бабушка с мамой, как всегда, наготовили всего вкусного и волшебного. Поднимали тосты за меня и мою будущую взрослую жизнь, намекали на что-то, что даже не касалось меня в реальности, и меня это задевало. Но поселило мысль: уже 19, наверное, можно изменить жизнь. Отпраздновали как положено, надарили денег (они мне как раз были нужны), и мы распрощались. Родители уехали к себе, а я — на свою квартиру. Приехав, мне стало как-то грустно в свой день рождения оставаться одной, и в голову закрался план: раз родители так шутят, что я взрослая во всех отношениях, то почему бы и не продолжить праздник? Я вышла на улицу — красивая, счастливая, уже почти ночью, около одиннадцати — и стала ловить машину. Остановилась иномарка, в ней двое: один постарше, второй молодой. Спрашивают: «Вам куда?» Я назвала адрес, но потом сказала, что не поеду. Они удивились: почему? «Потому что я вас боюсь. Вас двое, а я одна». Они рассмеялись: «Да мы сами боимся, поэтому вдвоём и ездим. Это мой сын. Мы вас отвезём, садитесь». Я села и попросила по дороге заехать в магазин — нужно было купить праздничный напиток, объяснила, что у меня день рождения. Они поздравили, и мы покатали.

Через сорок минут я звоню в уже хорошо знакомую дверь, в руках — напиток. Геннадий открывает и восклицает: «О, привет! Ты чего так поздно? Я уже спать ложился. Хотя бы предупредила». Я радостно протараторила: «А у меня сегодня день рождения! Я с родителями уже отпраздновала, вот к тебе пришла». И протягиваю бутылку. «А, понятно, ну давай заходи — будем праздновать!» Он пожелал мне всего хорошего, успехов в начинаниях и в йоге тоже, и добавил: «Ну ладно, раз ты всё решила, так оно и ладно...»

Когда я проснулась утром, с одной стороны болела голова, с другой — моя жизнь уже не была той, что вчера. Это было интересно и необычно, я снова начала познавать новую жизнь, к которой, видимо, уже созрела. Мне было неуверенно и стыдно, но чувства жили своей жизнью. Я стала чаще оставаться у Геннадия. Во всех аспектах изучала эту иную жизнь. К своему позору, я ничего не умела делать и даже не представляла, как это. Геннадий учил меня всему: мыть посуду (поначалу казалось увлекательным), мыть пол качественно. Потом я осваивала приготовление пищи — не всё получалось сразу. Стирать, следить за домом. На меня переложили всё и сразу. У меня возникло желание жить семьёй и сделать этого мужчину счастливым. В результате его сын, по моей инициативе, каждые выходные был у нас. Геннадий наконец начал платить алименты. С братьями выстроились нормальные отношения, он помирился с мамой и стал с ней общаться по телефону. В моём сознании мама — святое, и я не могла пройти мимо этой ситуации.

Моя бабушка, когда мы виделись, спрашивала: «Доченька, ты счастлива? Если ты любишь, то люби и будь с тем, кого любишь и кто любит тебя — наслаждайся молодостью». Я дала маме слово, что закончу основной институт и вручу ей диплом, чтобы она была спокойна. Но тот факт, что я уже жила у взрослого мужчины, не остался незамеченным родственниками. Отец воспринял это как предательство, а я так долго ждала и продолжала ждать, что он приедет за мной и заберёт домой... Но этого так и не происходило. За мной приехал мой любимый дедушка. Мы долго гуляли, говорили. Он приводил столько аргументов: что я порчу себе жизнь, связываясь с человеком на 15 лет старше, у которого есть сын, что он из другого круга, что он будет старым, а я молодая и кипящая женщина, и что всё пройдёт, и чтобы я возвращалась домой... Он просил, умолял, но я твердила одно: «Отец меня выгнал фактически своими оскорблениями и унижениями, вот пусть он за мной и приедет». Я знаю, дедуля говорил с отцом, но тот не захотел: «Сама придёт». И вот два упрямых, одинаковых человека упёрлись лбами — это было не сдвигаемо. Отцу было удобно, что меня нет дома: никто не мешал вести его образ жизни. Я понимала, что бросаю маму в той пучине, но моё условие было: приезжай и пообещай, что больше пить не будешь. А это было невозможно, он не собирался ничего менять.

Взрослая жизнь

Я училась утром в первом институте, вечером — йога, плюс семья на руках и хозяйство, которое я осваивала. Наступило лето, и Геннадий повёз меня в Крым. Он показал такие красивые места, что это стало любовью на всю жизнь. Моя активность и любознательность в йоге познакомили меня с женой ректора Института йоги, и она меня полюбила. Рассказала об институте и открыла новый путь: не обязательно заканчивать трёхгодичную школу, я могу сразу пойти на подготовительный курс института, раз так быстро всё осваиваю и готова к этому шагу. У меня уже за этот год образовался лечебный голод в 40 дней, когда для всех по программе это должен был трёхдневный опыт. Я как всегда бежала впереди паровоза и нужно было всё и побольше. Я мгновенно подала документы в Институт йоги. Меня тем более устраивало, что первые два года надо учиться три будних дня с 17 до 22 и один выходной — с утра до вечера. Решила: иду и совмещаю два института. Меня ничто не могло остановить. Я решила, что это самый правильный путь: здесь я получу ответы на миллион вопросов.

Жизнь стала очень насыщенной. Геннадий пошёл за мной в институт, и нам, как паре, сделали скидку на оплату — половину стоимости, что нас очень устроило. Я полностью окунулась в иные формы жизни, познание закономерностей: от чего всё зависит, какие типы цивилизаций существуют, почему люди болеют, что такое природа человека и природа болезней, что такое энергии, эмоции, мысли, наш опыт, умения и откуда они берутся. Это такой увлекательный мир, в котором много иных миров. Молодой пылливый ум был увлечён до крайности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.